Дата поступления рукописи в редакцию: 11.08.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.09.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3849-2026-9-194-202

ЕМЕЛЬЯНОВА А.С.,
студент Высшей школы права РЭУ им. Г. В. Плеханова,
e-mail: emelyanova.als@gmail.com

ВОПРОСЫ ПРАВОСУБЪЕКТНОСТИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Аннотация. *Статья посвящена комплексному анализу правового статуса систем искусственного интеллекта (ИИ) в условиях их активной интеграции в наиболее значимые сферы жизнедеятельности общества. Предметом исследования выступают нормы зарубежного и национального права, регулирующие правосубъектность ИИ, а также теоретические и практические аспекты распределения юридической ответственности за вред, причиненный автономными системами. Методологическую основу работы составили методы сравнительного правоведения, системного анализа и юридического прогнозирования. Подробно рассматриваются регуляторные подходы Европейского союза, Китая, Индонезии, Японии и Казахстана для выработки рекомендаций по совершенствованию российской правовой системы. Научная новизна исследования заключается в критическом анализе концепции «электронного лица» и доказательстве того, что на текущем этапе развития ИИ должен рассматриваться исключительно как объект права (инструмент). В статье предложено внедрение в правовое поле РФ специального права «организатора процесса создания» для урегулирования вопросов авторства произведений, созданных с помощью ИИ. В ходе работы сформулированы выводы о том, что отсутствие у ИИ воли, сознания и психоэмоциональной составляющей делает невозможным наделение его статусом самостоятельного субъекта права. Ответственность за любые действия системы должна быть возложена на человека – разработчика, оператора или владельца. В критически важных областях, таких как медицина и правосудие, ИИ обязан выполнять исключительно аналитическую, вспомогательную функцию, обеспечивая прозрачность алгоритмов и сохранение за человеком права на принятие окончательного решения.*

Ключевые слова: *искусственный интеллект, правосубъектность, юридическая ответственность, правовой статус, цифровизация, сравнительное правоведение, объект права, субъект права, электронное лицо, авторское право, машинное обучение, генеративный ИИ, правовое регулирование, беспилотный транспорт, судебная аналитика, информационная безопасность, алгоритмическая предвзятость.*

EMELYANOVA A.S.,
Student of the Higher School of Law of the PRUE

ISSUES OF LEGAL PERSONALITY OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE: PROBLEMS AND PROSPECTS

Annotation. *The article is devoted to a comprehensive analysis of the legal status of artificial intelligence (AI) systems in the conditions of their active integration into the most significant spheres of society. The subject of the study is the norms of foreign and national law governing the legal personality of AI, as well as theoretical and practical aspects of the distribution of legal liability for damage caused by autonomous systems. The methodological basis of the work was the methods of comparative law, system analysis and legal forecasting. Author(s?) Considers in detail the regulatory approaches of the European Union, China, Indonesia, Japan and Kazakhstan to develop recommendations for improving the Russian legal system. The scientific novelty of the study lies in the critical analysis of the concept of «electronic person» and proof that at the current stage of development AI should be considered exclusively as an object of law (tool). The article proposes the introduction of a special right of the «organizer of the creation process» into the legal field of the Russian Federation to resolve the issues of authorship of works created with the help of AI. In the course of the work, conclusions were formulated that the AI's lack of will, consciousness and psychoemotional component makes it impossible to give it the status of an independent subject of law. Responsibility for any actions of the system should be assigned to the person - developer, operator or owner. In critical areas, such as medicine and justice, AI is obliged to perform an exclusively*

analytical, auxiliary function, ensuring the transparency of algorithms and preserving the human right to make a final decision.

Key words: *Artificial intelligence, legal personality, legal responsibility, legal status, digitalization, comparative law, object of law, subject of law, electronic person, copyright, machine learning, generative AI, legal regulation, unmanned transport, forensic analytics, information security, algorithmic bias.*

Введение

Активное развитие систем искусственного интеллекта (далее – ИИ) способствует возрастанию их статуса от лабораторных разработок в неотъемлемую часть общественной и экономической жизни. ИИ все чаще принимает решения, которые прямо или косвенно затрагивают права и свободы человека. На данную технологию возлагается большое количество функций, ранее предназначенных исключительно для человека. Среди них тестирование беспилотных транспортных средств, где высший уровень автономности характеризуется отсутствием водителя, а также применение больших языковых моделей для обработки поступающих обращений граждан на государственном уровне. Учитывая, что искусственный интеллект имеет огромный потенциал развития, а также его фактическое внедрение в критически важные сферы, видится остро необходимым вопрос правового регулирования данной области. В частности, требуется четкое понимание юридического статуса ИИ в целях минимизации рисков причинения вреда во избежание правовых коллизий, а также для обеспечения защиты интересов общества.

Таким образом, целью данной статьи является анализ зарубежного опыта правового регулирования ИИ и последующая разработка предложений по его интеграции в российскую правовую систему с акцентом на проблему юридической ответственности.

Основная часть

Для определения юридического статуса ИИ необходимо ответить на некоторые вопросы: необходим ли ИИ особый правовой статус, является ли он субъектом права? В настоящее время, несмотря на высокий уровень развития, большинство стран характеризует систему искусственного интеллекта как инструмент или объект права, используемый человеком. Ни одно государство не признало ИИ самостоятельным субъектом права. Проблема правосубъектности ИИ становится особенно важной, когда технологии достигают уровня, позволяющего им действовать без прямого контроля человека. Ведь всегда существует вероятность сбоев и ошибок в программе, что может привести к негативным последствиям. Учитывая данный факт, правовая доктрина справедливо исходит из того, что ИИ не обладает главными признаками субъекта права. Позицию о непризнании ИИ субъектом права на данном этапе можно признать обоснованной. Являясь сложным программным продуктом, ИИ не обладает самым главным – волей и сознанием. На наш взгляд, попытки наделить ИИ правосубъектностью могут стать преждевременными и привести к разрушению классической системы ответственности. На современном этапе за любые действия ИИ должен отвечать человек – разработчик, оператор или владелец системы.

Китайская Народная Республика, подтверждая притязания на лидерство, стала одной из первых стран, которая ввела в действие нормативные правовые акты, регулирующие индустрию искусственного интеллекта. Регулирование ИИ в Китае сосредоточено на контроле, безопасности и ответственности разработчиков. Ключевые особенности китайского подхода включают, в первую очередь, регулирование генеративного ИИ. В этой стране были приняты «Временные меры по управлению сервисами генеративного искусственного интеллекта» (2023) и «Положения об администрировании информационных интернет-сервисов глубокого синтеза». Данные акты устанавливают требования к использованию технологий, создающих определенные материалы (дипфейки, текст и видео). Важно отметить, что провайдеры услуг ИИ обязаны маркировать созданный контент как искусственно сгенерированный и нести за него ответственность [13].

В Китае существует специальный регулятор (Управление киберпространства Китая), который обязывает разработчиков принимать меры по повышению точности и безопасности обучающих данных. Это помогает предотвратить дискриминацию и вредоносный контент. Суды, в то же время, активно формируют прецеденты, связанные с защитой прав личности. Например, в апреле 2024 года суд признал незаконным несанкционированное использование голоса человека для обучения ИИ-модели. Эта ситуация демонстрирует жесткое регулирование биометрических и личных неимущественных прав. Можно сказать, что в Китае ИИ рассматривается как высокоэффективный инструмент, объект права. Вместе с тем, его развитие и функционирование жестко регулируется законодательством. Практика КНР представляет значительный интерес для России, так как демонстрирует оперативное внедрение норм в отношении генеративного ИИ, которое направлено прежде всего на контроль контента и защиту персональных данных.

Мы полагаем, что наиболее ценным для России является опыт введения обязательной маркировки (водяных знаков) на контент, создаваемый генеративным ИИ, а также требование к разработчикам по обеспечению качества и непредвзятости обучающих данных. Это позволило бы оперативно бороться с дезинформацией и защитить авторские права. Однако точное копирование китайской модели является нецелесообразным из-за существенных различий в правовых традициях и политике контроля. В Российской Федерации стоит внедрять подобные механизмы, но не посредством создания нового специализированного регулятора (как Управление киберпространства КНР), а путем расширения полномочий уже существующих органов (например, Роскомнадзора или Минцифры). Это поможет избежать чрезмерной бюрократизации и сохранить баланс между безопасностью и свободой инноваций. В целом, это будет полезно, потому как будет способствовать снижению рисков при массовом внедрении генеративных моделей в гражданский оборот.

Регулирование ИИ в Европейском Союзе основывается на обеспечении безопасности, подотчетности и этичности. Ключевым документом является Резолюция Европарламента от 16 февраля 2017 г. «Нормы гражданского права о робототехнике» [4]. Документ охватывает широкий спектр применения ИИ, а также выражает опасения, связанные с его потенциальными негативными социальными последствиями (например, ликвидация рабочих мест). Еврокомиссия выступает с предложением ввести особый юридический статус для наиболее автономных систем ИИ, который условно обозначается термином «Электронное лицо». Данное введение позволило бы определять механизмы компенсации вреда. В качестве основного механизма рассматривается обязательная система страхования, куда разработчик или владелец будет вносить средства, за счет которых впоследствии будет осуществляться компенсация. ЕС также подчеркивает необходимость возложить ответственность за действия ИИ полностью на человека, если система не обладает достаточной степенью автономии.

Парламентская ассамблея Совета Европы предложила разработать принципы прозрачности, регулирования и подотчетности, уделяя особое внимание защите уязвимых лиц (пожилые люди, люди с ограниченными возможностями) [5]. Отдельные страны ЕС также разрабатывают национальные стратегии и законодательные подходы к ответственности. Германия одной из первых начала работу по адаптации правил дорожного движения для беспилотных автомобилей, наиболее отмечая вопрос распределения вины между водителем, оператором и ИИ. Франция в рамках своей национальной стратегии активно поддерживает развитие ИИ, однако тоже уделяет особое внимание этическим аспектам и защите данных, что является основой европейского законодательства.

Несмотря на наличие особо развитых моделей ИИ, которые могут посоревноваться с человеком, в ЕС преобладает мнение, что ИИ не обладает такими качествами, как эмоции и воля. Поэтому, как отмечают Васильев А.А. и Ибрагимов Ж.И., «тождество между человеком и автономным роботом как субъектами права невозможно» [8]. Вопрос автономности ИИ остается ключевым, так как от степени участия человека в процессе зависит размер ответственности и субъект, который будет возмещать вред. Европейский подход, ориентированный на Резолюцию 2017 года и Акт об ИИ (AI Act) [20] – первый в мире закон, основанный на риск-ориентированном подходе, важен для России в части системного подхода к управлению рисками. На наш взгляд, концепция обязательного страхования ответственности разработчиков или владельцев ИИ не вполне подходит для российской правовой системы. Данный механизм, несмотря на положительные аспекты, сопряжен с серьезными сложностями в реализации. Не всегда очевидно, хватит ли имущества для компенсации крупного ущерба. Кроме того, существует риск злоупотребления данным механизмом со стороны общества. Поэтому полагаем, что его введение может оказаться недостаточно эффективным в случае ошибок автономных систем. Идея присвоения статуса «электронного лица» для наиболее автономных систем остается предметом исключительно научных дискуссий в России, ее практическое введение на данном этапе представляется преждевременным. Тем не менее, полезно перенять европейский акцент на этике, прозрачности (проблема «черного ящика») и защите прав уязвимых групп при разработке российских регуляторных норм.

Подход Индонезии к правовому положению ИИ является консервативным. Здесь система искусственного интеллекта рассматривается исключительно как объект права. Ответственность за любые действия возлагается на людей, которые непосредственно связаны с системой – владельцев, пользователей или операторов. Такой подход логичен, так как в большинстве сфер ИИ выступает лишь вспомогательным инструментом.

Интерес представляет научная работа Амелии и Дары, где ИИ предлагается сопоставить с домашним питомцем [16]. Аргументируется это сходством в механизме ответственности. Имеется ввиду, как хозяин отвечает за действия животного, так и разработчик или владелец отвечает за действия программы, потому как ни один из них не может самостоятельно отвечать за свои

поступки. Однако, животные действуют в силу инстинктов, а ИИ – за счет встроенных, но не всегда предсказуемых алгоритмов. Представляется, что данное сравнение с домашним животным является не вполне обоснованным. У животных присутствует психоэмоциональная составляющая, и их неконтролируемое поведение может быть реакцией на внешнюю среду. В случае же с ИИ, причинение вреда является либо следствием ошибки в обучающих данных, либо сбоем в системе и неправильной интерпретацией действительности. В отличие от животного, систему ИИ можно доработать, исправить и дополнить, что требует возложения более строгой ответственности именно на разработчика. Сопоставлять данные ситуации некорректно из-за того, что это обесценивает необходимость совершенствования алгоритмов и размывает ответственность.

Индонезийская практика подтверждает общемировой тренд на признание ИИ объектом права. Главная мысль для России заключается в том, что Индонезия концентрируется на ответственности владельца или оператора. Этот опыт важен для РФ, потому что он переносит ответственность на тех, кто использует ИИ в своей работе. Это стимулирует конечных пользователей ИИ (например, медицинские клиники или транспортные компании) обязательно обучать свой персонал и проверять работу программ, чтобы не полагаться исключительно на автономные системы. В итоге, такой подход позволит создать более надежный механизм возмещения вреда.

На сегодняшний день правовой статус ИИ в нормах права РФ урегулирован недостаточно полно и точно. Тем не менее, нельзя говорить об отсутствии официального определения ИИ в российском законодательстве. В рамках экспериментальных правовых режимов, в частности, установленного Федеральным законом от 24.04.2020 N123-ФЗ, понятие «искусственного интеллекта» и его элементов юридически закреплено [2]. Регулирование также осуществляется на уровне стратегических документов. Ключевым актом является Указ Президента РФ от 10.10.2019 N 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (Национальная стратегия до 2030 года) [3]. Стратегия направлена на обеспечение национальных интересов, повышение доступности информации и улучшение системы подготовки кадров. Особое внимание привлекает определение сильного искусственного интеллекта как типа ИИ, способного выполнять различные задачи, взаимодействовать с человеком и самостоятельно адаптироваться к имеющимся условиям. Подразумевается, что такая модель будет способна «думать» как человек и принимать решения. Однако, на данный момент разработка такой технологии маловероятна. Система способна существовать исключительно на основе алгоритмов и анализа обрабатываемых материалов. ИИ не обладает творческой составляющей, «мыслит» шаблонно и не учитывает контекст конкретной ситуации. В связи с этим, сейчас за любые действия системы отвечает человек (разработчик, пользователь, оператор), либо встроенная программа. Поэтому сложно предположить возможность наделения ИИ правосубъектностью в ближайшей перспективе.

Для ответа на вопрос – можно ли признать ИИ субъектом права, необходимо установить, какими признаками он должен обладать (правоспособность, дееспособность, деликтоспособность). Некоторые ученые предлагают признать ИИ субъектом права по аналогии с юридическими лицами, аргументируя это тем, что ни один из них не обладает волей или чувствами. Мы не считаем данную аналогию обоснованной. Юридическое лицо всегда представляет собой объединение людей, которые несут ответственность в случае инцидента. В случае с ИИ, который представляет собой лишь средство причинения вреда, отсутствует фигура, которая его представляет, кроме разработчика или пользователя. О.Я. Ястребов отмечает, что «ИИ может существовать фактически вечно, накапливая потенциал и теоретически достигая безграничных возможностей, среди которых может быть и власть» [15]. Мы поддерживаем данное мнение, однако всегда сохраняется вероятность программных ошибок или вирусных атак, способных привести к полной потере контроля над системой.

Ключевой довод против наделения ИИ правосубъектностью связан с отсутствием человеческих качеств. В. Зорькин справедливо отмечает, что «ИИ не стоит наделять личными правами, так как ему не присущи такие качества личности, как душа, свободное сознание и чувства» [18]. Мы полностью разделяем данную позицию, ведь ИИ не обладает собственной волей и не способен действовать из собственных побуждений, поскольку у него отсутствует психоэмоциональная составляющая. Неспособность системы испытать вину или раскаяние делают совершенно бессмысленным привлечение ее к юридической ответственности.

Т.Э. Зульфугарзаде и Е.А. Кириллова предлагают концепцию «электронного субъекта права» для тех видов ИИ, которые обладают самосознанием и не могут быть отнесены к категории инструмента [11]. Авторы отмечают, что правосубъектности ИИ присущи уникальные характеристики, включающие биоподобные способности, такие как обучение, творчество и накопление опыта. Положительные стороны концепции включают урегулирование отношений с участием автономного ИИ, разграничение ответственности

при причинении вреда, а также решение проблем авторства. В качестве минусов указано, что признание ИИ электронным субъектом права возможно только при наличии определенных программно-синтезированных способностей. Это несет риск создания неясной системы распределения ответственности. Иными словами, чем выше мы оценим «разумность» программы, тем больше ответственности придется возлагать на ИИ. Вместе с тем, существует угроза, что на ИИ будет возложена излишняя ответственность, в то время как ошибки могут быть результатом халатности разработчиков. Это будет способствовать ухудшению качества продукта. Наиболее логичным и безопасным вариантом является отнесение ИИ к категории имущества или инструмента, но не отдельного субъекта права. Как верно отмечает А.В. Гурко, в связи с тем, что «робот сам является имуществом, его ответственность будет означать ответственность его собственника или владельца, затрагивая сферу его имущественных интересов. Возлагать на робота полную ответственность за ошибки при осуществлении функций совершенно неверно» [9].

Одним из аргументов против наделения ИИ правосубъектностью являются системные недостатки технологии. Савина В.С. справедливо отмечает, что проблема заключается в отсутствии у технологий ИИ способности понимать контекст или абстрактные концепции в процессе принятия решений [14]. Даже самым умным алгоритмам не хватает здравого смысла для уточнения своей интерпретации мира, что свойственно человеку. Сложно не согласиться с данным мнением. Несовершенство алгоритмов приводит к ошибкам, которые могут стать причиной различных видов дискриминации. Пока система не способна принимать и обрабатывать информацию с учетом контекстных особенностей, возложение на нее юридической ответственности видится невозможным.

Системы генеративного ИИ способны распространять недостоверную или неприемлемую информацию из-за некачественного обучения, а также подвержены риску «галлюцинаций». Это создает угрозу как для обычных граждан (манипуляции), так и для национальной безопасности (кибератаки, мошенничество). Кроме того, А.В. Гурко обращает внимание на то, что роботы и программы для ЭВМ не обладают самостоятельным интересом, они создаются для удовлетворения человеческих потребностей. Поэтому право должно защищать интересы людей, а не наделять машины статусом в целях решения правовых проблем. Отсутствие у ИИ собственной воли и заинтересованности является весомым аргументом против его правового статуса. Все усилия должны быть направлены на урегулирование правоотношений с участием ИИ как объекта возникновения возможных инцидентов.

Опасения касательно сохранения конфиденциальности данных, которыми люди активно делятся с ИИ, также является серьезной проблемой. Существует угроза утечки личной информации в руки злоумышленников, что может угрожать безопасности не только граждан, но и государства в целом. Над технологией должен осуществляться постоянный контроль со стороны человека, включая возможность немедленного отключения программы. Для этого необходимо разработать многоуровневую систему защиты данных и четкое распределение ответственности между участниками процесса.

Не урегулированным остается вопрос охраны произведений, созданных ИИ. Согласно ст. 1257 ГК РФ, автором произведения признается гражданин, творческим трудом которого оно создано [1]. Соответственно, на данный момент ИИ в России автором быть признан не может. В большинстве стран законодательство в области авторского права производит разграничение творческой деятельности на результаты, «созданные с использованием ИИ» (применяется традиционное регулирование, ИИ – объект) и результаты, «созданные искусственным интеллектом» (неохраноспособность, например, в США). В то же время, некоторые страны (Великобритания, Индия, Ирландия) вводят специальное право организатора процесса создания интеллектуальной собственности с использованием ИИ [10]. Данное право обеспечивает охрану результатов, но в сокращенном объеме. Мы считаем, что подход введения права организатора является разумным решением для РФ. Такой подход позволит разграничить труды как результаты абсолютного человеческого творчества и как результат совместной работы человека и программы. Представляется разумным создать аналогичные законодательные акты, в которых были бы всесторонне представлены права и обязанности физического лица, которое создает объекты авторского права при помощи технологий искусственного интеллекта.

Применение ИИ в медицине направлено на совершенствование систем диагностики, профилактики и лечения заболеваний. Алгоритмы используются для анализа множества медицинских изображений, автоматического обнаружения патологий, прогнозирования развития болезней, а также выступают в роли помощника врача в постановке диагноза и принятии терапевтических решений. В области хирургии системы ИИ могут использоваться для проведения точных и сложных операций, обрабатывая информацию в реальном времени и предоставляя навигационные подсказки. Внедрение ИИ в такую сложную и ответственную сферу несет существенные рис-

ки. Неверный диагноз, ошибочное направление лечения или неправильное заключение могут нанести вред не только физическому, но и психическому здоровью пациента. Это подводит к важному вопросу – кто будет нести ответственность в случае допущения роботом серьезных или непоправимых ошибок? Вопрос ответственности становится крайне сложным и многоуровневым. Если что-то пойдет не так, необходимо точно установить причинно-следственную связь, чтобы понять, где именно произошел сбой: в исходном обучении алгоритма (ответственность разработчика), в выборе врачом системы или подтверждения решения ИИ (ответственность врача) или в самом ходе выполнения задачи (ответственность оператора или медицинского учреждения). Проблема усугубляется тем, что некоторые модели ИИ являются непрозрачными (проблема «черного ящика»), что затрудняет понимание врачами, как именно система пришла к тому или иному решению, диагнозу. Необходимость объяснимости ИИ (Explainable AI) критически важна для укрепления доверия и обеспечения справедливых решений [7].

Внедрение ИИ в сферу медицины особенно прослеживается в Японии. Основная цель использования ИИ здесь – разгрузить медицинский персонал от рутинной работы, которая отнимает ценное время. Это заполнение документации, анализ снимков МРТ и постановка предварительных диагнозов. Это позволяет врачам сосредоточиться на разработке сложных программ лечения. Положительный опыт Японии подтверждается конкретными примерами, в числе которых случай, когда компьютер помог скорректировать диагноз врачей, что спасло жизнь пациенту с редкой формой лейкемии. Регулированием медицинских устройств на основе ИИ в Японии занимаются Министерство здравоохранения, труда и социального обеспечения (MHLW) и Агентство по фармацевтике и медицинскому оборудованию (PMDA), которые отвечают за обеспечение безопасности и эффективности технологий [12].

Полагаем, что опыт Японии в части использования ИИ как инструмента, упрощающего рутинную деятельность врачей, является наиболее верным и целесообразным для частичного перенятия в России. Такой подход будет способствовать модернизации медицинской системы при одновременной минимизации рисков. Однако полностью доверять проведение лечебных манипуляций роботу недопустимо: контроль со стороны человека должен осуществляться непрерывно и сосредоточенно. Для регулирования в РФ, основываясь на опыте Японии, считаем необходимым обязательное введение нормы, требующей получения от пациентов индивидуального добровольного согласия на использование технологий ИИ в диагностике и лечении, с детальным разъяснением принципов работы и рисков системы. Заметим, что ИИ должен быть предназначен для поддержки, а не для замены медицинского персонала. В случае причинения вреда ответственность должна возлагаться на врача, который принял или подтвердил решение, предоставленное ИИ. Наряду с этим, крайне важно сохранять баланс между автоматизацией и гуманитарным, эмпатическим аспектом взаимодействия врача и пациента, чтобы избежать дегуманизации медицины.

Активное внедрение системы искусственного интеллекта и больших данных (Big Data) в судебную и правоохранительную системы Казахстана носит преимущественно вспомогательный, аналитический и роботизированный характер. Ключевым IT-продуктом Верховного Суда в данной стране является система «Цифровая судебная аналитика» с элементами ИИ, которая анализирует судебную практику и обобщает данные, прогнозирует вероятный исход дел, а также автоматически выполняет рутинные задачи, позволяя сотрудникам концентрировать усилия на более важных делах [19]. В 2022 году робот зарегистрировал 80% (126 тысяч) материалов по делам о взыскании алиментов. Роботизирован также процесс санкционирования постановлений о наложении ограничения выезда за рубеж. В судебной системе Казахстана ИИ выступает в роли высококвалифицированного помощника-аналитика для судейского аппарата [17]. Система имеет статус инструмента для поддержки, но не является органом, принимающим окончательные решения. Анализ, предоставленный искусственным интеллектом, используется только как дополнительный справочный материал, а ответственность за вынесенный приговор или решение всегда остается за судьей. Это главный принцип, который обеспечивает соблюдение законности и правосудия.

Кроме того, законодательство Казахстана закрепляет понятие «электронный документ» (ст.42-1 УПК РК), позволяя осуществлять уголовное судопроизводство в электронном формате [6]. Внедрение электронного формата (платформа е-Жалоба», «Судебный кабинет») позволяет участникам процесса дистанционно следить за расследованиями, что минимизирует риски фальсификации и коррупции за счет уменьшения человеческого фактора. Мы считаем, что внедрение ИИ в судебную систему России по аналогии с Казахстаном является логичным и обоснованным шагом, так как позволяет разгрузить судей от рутинных задач. Внедрение ИИ в мелких делах, таких как подача жалоб, распределение дел и др. повышает эффективность судебной системы. Важно отметить, что выполнение серьезных задач абсолютно точно нельзя доверять программе. Окончательное решение несомненно должен

принимать судья, используя анализ ИИ только как дополнительный справочный материал. Для обеспечения безопасности обрабатываемых конфиденциальных данных необходимо создать собственную защищенную базу (по типу внутреннего «контура»), внутри которой будет действовать механизм обработки судебных дел с использованием технологий ИИ.

Заключение

Подводя итоги, можно сделать следующий вывод: несмотря на длительное изучение области ИИ и его все более глубокое проникновение в повседневную жизнь, наделение данных технологий правосубъектностью не представляется возможным. Абсолютное большинство стран, включая Россию, придерживается мнения, что системы искусственного интеллекта являются объектом гражданских правоотношений, но никак не субъектом. Данная позиция основывается на ряде факторов, которые были рассмотрены в работе. Во-первых, ИИ не обладает психоэмоциональной составляющей, свободой воли, самосознанием и не способен к абстрактному или творческому мышлению, что делает невозможным наказание или переживание вины. Во-вторых, признание ИИ субъектом права, даже по аналогии с юридическим лицом, не решает проблему деликтоспособности, потому как у робота нет собственного имущества, а его действия всегда обусловлены алгоритмами, заложенными человеком. Как было отмечено, ответственность за вред, причиненный ИИ, всегда должен нести разработчик, пользователь или оператор системы, поскольку ИИ – это всего лишь высокоэффективный инструмент. В связи с этим, все усилия должны быть направлены не на то, чтобы наделить ИИ правами, а на разработку такого законодательства, которое будет минимизировать риски и четко регулировать ответственность в случае причинения вреда.

Исходя из анализа международного опыта (ЕС, КНР, Индонезия, Япония, Казахстан) и проблемных аспектов российской практики, в числе которых предвзятость, дезинформация, авторство, мы можем сформулировать следующие предложения по совершенствованию регулирования в РФ:

Во-первых, на основе Китайского подхода, необходимо внедрение правовых норм, четко определяющих ответственность разработчиков ИИ за выпуск некачественного продукта, способного распространять дезинформацию или демонстрировать алгоритмическую предвзятость.

Во-вторых, в контексте общемировых обсуждений следует изучить целесообразность введения обязательной системы страхования или специализированного фонда (По аналогии с опытом ЕС), куда разработчики будут отчислять средства для компенсации вреда, причиненного автономными системами. Однако полагаем, что такой механизм, хоть и обеспечит финансовую компенсацию, не должен заменять собой личную ответственность человека (разработчика или оператора), которая остается ключевым элементом контроля.

В-третьих, внедрение ИИ в медицинскую сферу должно быть ограничено ролью вспомогательного инструмента. Ответственность в случае врачебной ошибки, основанной на неверном диагнозе ИИ, должна быть возложена на врача, подтвердившего решение.

В-четвертых, внедрение ИИ в судебный аппарат необходимо сосредоточить на автоматизации рутинных процессов, таких как регистрация и распределение дел, а не на вынесении решений по существу. Окончательный приговор всегда должен оставаться за судьей.

В-пятых, для обеспечения информационной безопасности и предотвращения утечек конфиденциальных данных считаем необходимым установить непрерывный мониторинг за получением и распространением такой информации. Для этого нужна разработка специализированного государственного механизма контроля или создание внутренней защищенной инфраструктуры для обработки конфиденциальных судебных и медицинских данных.

И наконец представляется разумным, ввести по аналогии с некоторыми странами право организатора процесса создания произведений с использованием ИИ. Это позволит разграничить результаты исключительно человеческого творчества и итог совместной работы, обеспечив сокращенную правовую охрану.

Таким образом, вопрос наделения ИИ правосубъектностью на данном этапе остается преждевременным. Все усилия должны быть направлены на развитие совершенной системы, способной полностью имитировать мыслительную активность человека. Пока же за любую деятельность системы искусственного интеллекта всецело должен отвечать человек, будь то разработчик, пользователь или оператор ИИ.

Список литературы:

[1] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвёртая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 23.07.2025) [Электронный ресурс]. – КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64629/ (дата обращения: 23.07.2025).

[2] Федеральный закон «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации — городе федерального значе-

ния Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных»» от 24.04.2020 № 123-ФЗ [Электронный ресурс]. – КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_351127/ (дата обращения: 19.06.2025).

[3] Указ Президента Российской Федерации от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (ред. от 15.02.2024) [Электронный ресурс]. – КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_335184/ (дата обращения: 19.06.2025).

[4] Резолюция Европейского парламента от 16 февраля 2017 г. с рекомендациями Комиссии по гражданскому праву. Правила по робототехнике (2015/2103(INL)) [Электронный ресурс]. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-8-2017-0051_EN.html (дата обращения: 27.07.2025).

[5] Рекомендация № 2102 (2017) Парламентской ассамблеи Совета Европы «Технологическая конвергенция, искусственный интеллект и права человека» [Электронный ресурс]. URL: https://pace.coe.int/en/files/23726/html (дата обращения: 27.07.2025).

[6] Уголовно процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4.07.2014 № 231 V ЗРК [Электронный ресурс]. – Информационно правовая система «Әділет». – URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000231 (дата обращения: 02.11.2025).

[7] Брызгалина, Е. В., Гумарова, А. Н., Шкомова, Е. М. Ключевые проблемы, риски и ограничения применения ИИ в медицине и образовании // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. – 2022. – № 6.

[8] Васильев А. А., Ибрагимов Ж. И. Правовое регулирование робототехники и искусственного интеллекта в европейском Союзе // Российско-азиатский правовой журнал. 2019. № 1.

[9] Гурко, А. Искусственный интеллект и авторское право: взгляд в будущее / А. Гурко // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. – 2017. – № 12. – С. 7-18.

[10] Калятин, В. О. Проблема машинного творчества в системе права: регулирование создания и использования результатов интеллектуальной деятельности с применением искусственного интеллекта, зарубежный опыт и российские перспективы. – М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2021. – 28 с.

[11] Кирилова, Е. А., Зульфугарзаде Т. Э. К вопросу о правосубъектности искусственного интеллекта // Имущественные отношения в РФ. – 2024. – № 4 (271).

[12] Кошечкин, К. А. Регулирование искусственного интеллекта в медицине // ПОФМ. – 2023. – № 1.

[13] Филипова, И. А. Правовое регулирование искусственного интеллекта: опыт Китая / И. А. Филипова // Journal of Digital Technologies and Law. – 2024. – Т. 2, № 1. – С. 46-73.

[14] Харитонова, Ю. С., Савина, В. С., Паньини, Ф. Предвзятость алгоритмов искусственного интеллекта: вопросы этики и права // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2021. – № 53.

[15] Ястребов, О. А. Искусственный интеллект в правовом пространстве // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. – 2018. – № 3.

[16] Sari, A. P., Harwika, D. M. Legal Liability of Artificial Intelligence in Perspective of Civil Law in Indonesia // International Journal of Social Science Research and Review. – 2022. – Т. 5. – С. 57–60.

[17] Искусственный интеллект в казахстанском суде: чем он может помочь [Электронный ресурс]. – Zakon.kz. – 18.10.2023. – URL: https://www.zakon.kz/obshestvo/6410840-iskusstvennyy-intellekt-v-kazakhstanskom-sude-chem-on-mozhet-pomoch.html (дата обращения: 01.11.2025).

[18] Регулирование ИИ: главное из лекции главы Конституционного суда [Электронный ресурс]. – Право.ru. – 27.06.2024. – URL: https://pravo.ru/lf/story/253817/ (дата обращения: 27.07.2025).

[19] Судьям Казахстана помогает искусственный интеллект [Электронный ресурс]. – Право.ru. – 23.02.2023. – URL: https://pravo.ru/news/245406/ (дата обращения: 01.11.2025).

[20] European Commission. AI Act: Regulatory framework on artificial intelligence [Электронный ресурс]. – European Commission. – URL: https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/policies/regulatory-framework-ai (дата обращения: 27.07.2025).

References:

[1] Civil Code of the Russian Federation (part four) dated 18.12.2006 No. 230-FZ (as amended on 23.07.2025) [Electronic resource]. - ConsultantPlus. - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64629/ (access date: 23.07.2025).

[2] Federal Law "On conducting an experiment to establish special regulation in order to create the necessary conditions for the development and implementation of artificial intelligence technologies in the constituent entity of the Russian Federation - the city of federal significance Moscow and amending Articles 6 and 10 of the Federal Law "On Personal Data"" dated 24.04.2020 No. 123-FZ [Electronic Resource]. - ConsultantPlus. - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_351127/ (date of reference: 19.06.2025).

[3] Decree of the President of the Russian Federation of 10.10.2019 No. 490 "On the Development of Artificial Intelligence in the Russian Federation" (as amended by 15.02.2024) [Electronic Resource]. - ConsultantPlus. - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_335184/ (date of reference: 19.06.2025).

[4] European Parliament resolution of 16 February 2017 with recommendations from the Civil Law Commission. Robotics Regulations (2015/2103 (INL)) [Electronic Resource]. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-8-2017-0051_EN.html (access date: 27.07.2025).

[5] Recommendation No. 2102 (2017) of the Parliamentary Assembly of the Council of Europe "Technological Convergence, Artificial Intelligence and Human Rights" [Electronic Resource]. URL: https://pace.coe.int/en/files/23726/html (access date: 27.07.2025).

[6] Criminal Procedure Code of the Republic of Kazakhstan dated 4.07.2014 No. 231 V SAM [Electronic resource]. - Information legal system "Ә years." - URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000231 (access date: 02.11.2025).

[7] Bryzgalina, E. V., Gumarova, A. N., Shkomova, E. M. Key problems, risks and limitations of the use of AI in medicine and education // Bulletin of Moscow University. Series 7. Philosophy. – 2022. – № 6.

[8] Vasiliev A. A., Ibragimov J. I. Legal Regulation of Robotics and Artificial Intelligence in the European Union // Russian-Asian Law Journal. 2019. № 1.

[9] Gurko, A. Artificial intelligence and copyright: a look into the future/A. Gurko // Intellectual property. Copyright and related rights. – 2017. – № 12. - S. 7-18.

[10] Kalyatin, V. O. The problem of machine creativity in the legal system: regulation of the creation and use of the results of intellectual activity using artificial intelligence, foreign experience and Russian prospects. - M.: Publishing House of the Higher School of Economics, 2021. - 28 s.

[11] Kirilova, E. A., Zulfugarzade T. E. On the issue of legal personality of artificial intelligence // Property relations in the Russian Federation. – 2024. – № 4 (271).

[12] Koshechkin, K. A. Regulation of artificial intelligence in medicine // POFM. – 2023. – № 1.

[13] Filipova, I. A. Legal regulation of artificial intelligence: the experience of China/I. A. Filipova // Journal of Digital Technologies and Law. – 2024. - T. 2, NO. 1. - S. 46-73.

[14] Kharitonova, Yu. S., Savina, V. S., Pagnini, F. Bias of artificial intelligence algorithms: issues of ethics and law // Bulletin of Perm University. Legal sciences. – 2021. – № 53.

[15] Yastrebov, O. A. Artificial intelligence in the legal space // Bulletin of RUDN University. Series: Legal Sciences. – 2018. – № 3.

[16] Sari, A. P., Harwika, D. M. Legal Liability of Artificial Intelligence in Perspective of Civil Law in Indonesia // International Journal of Social Science Research and Review. – 2022. - VOL. 5. - S. 57-60.

[17] Artificial intelligence in a Kazakh court: how it can help [Electronic resource]. – Zakon.kz. – 18.10.2023. – URL: https://www.zakon.kz/obshestvo/6410840-iskusstvennyy-intellekt-v-kazakhstanskom-sude-chem-on-mozhet-pomoch.html (дата обращения: 01.11.2025).

[18] Regulation of AI: the main thing from the lecture of the head of the Constitutional Court [Electronic resource]. - Право.ru. - 27.06.2024. - URL: https://pravo.ru/lf/story/253817/ (access date: 27.07.2025).

[19] Judges in Kazakhstan are assisted by artificial intelligence [Electronic Resource]. - Право.ru. - 23.02.2023. - URL: https://pravo.ru/news/245406/ (access date: 01.11.2025).

[20] European Commission. AI Act: Regulatory framework on artificial intelligence [Электронный ресурс]. – European Commission. – URL: https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/policies/regulatory-framework-ai (дата обращения: 27.07.2025).